

Андрей Михайлович Авраменков родился в 1990 году в Луганске. Окончил Восточнoукраинский национальный университет им. В. Даля по специальности «Издательское дело и редактирование». Работал корреспондентом в различных местных изданиях. Публиковался в луганских газетах, альманахах, молодежном литературном журнале «Индиго», в журнале «Подъём». Автор книги прозы «Город сломанных судеб». Лауреат Исаевской премии (2022). Живет в Воронеже.

Андрей Авраменков

ЕВРОПЕЙСКИЙ ШЛЯХ

Рассказы

Настало самое тяжелое для города время. Мины и снаряды щедро сыпались на здания и улицы. Число погибших и раненых с каждым днем увеличивалось. Рейсовые автобусы не ходили, последний поезд уже давно отправился прочь из города.

Некоторые жители не собирались никуда, у других еще теплилась надежда покинуть это опасное место, наполненное горьким дымом, запахом пепелищ и видами разодранных домов. Но как это сделать, когда город в осаде, окружен практически со всех сторон недругами, которые еще недавно были братьями? Самому отправиться в такое путешествие... тут как повезет. Но, скорее всего, не повезет.

Были те, кто помогал в этом. Проводники, хорошо знавшие тайные тропы вокруг города, они могли безопасно вывезти. За отдельную плату, конечно. Одним из них был Виктор Кузьмичев. Здоровый, светловолосый донбасский мужик. К нему снова обратились знакомые:

— Витя, помоги выехать из города!

И момент такой неудобный: жена уехала в село, помочь старым родителям, а пятнадцатилетнего сына не с кем оставить. И что делать, куда деваться?

Витя, загружая свою «Ниву» вещами знакомых, взглянул на своего пацана. Эх, хорош парень: рукастый, технику любит и знает, общительный. Весь в отца. Как на молодого себя глядел Виктор на своего Никиту. Нехорошо на душе было, тревожно. Не хотел он малого с собой брать. Но как его тут одного оставлять? Уж лучше вместе.

Подошел Славик, забросил к нему в машину еще одну сумку. В его внедорожнике уже устроилась жена Юля и десятилетняя дочь Оксана.

— Ну что, выезжаем? — спросил он.

Кузьмичев осмотрелся. Над ним возвышались девятиэтажки, а сбоку раскинулся частный сектор. Вокруг никого не было. Принюхался. Тяжелый летний воздух, да еще с нефтебазы доносился запах бензина. Прислушался. Вдалеке свист и гром. И почудилось Виктору, что они все ближе и ближе.

— Да! Не мешкай и езжай за мной, — похлопал он Славика по плечу. Повернулся к Никите. — Ты не высовывайся.

Сын кивнул. Он старался не нервировать отца и не произносил ни слова. Знал, что сейчас необходимо безоговорочно подчиниться ему. А ведь до войны и ссоры были, и обиды с обеих сторон. Да и будут еще. Если они сумеют пережить все это.

И две машины направились вон из города. По асфальтовой дороге гнали так быстро, как позволяла техника. Помех никаких, машин нет. Огненный воздух задувал в открытое окно. Недалеко послышались выстрелы из стрелкового оружия. Короткая перестрелка, и тишина. Кто, в кого, есть ли убитые? «Бог его знает», — подумал Виктор.

Мелькали разноцветные стены и окна частных домов. Остались ли в них люди? Наверняка. Сидят по подвалам. Нет, сейчас затишье, стреляют в другой стороне, поэтому, скорее всего, выбрались из укрытий, чтобы успеть сделать необходимые дела. Всегда наготове. Чуть раздастся свист, вой металлический — сразу в укрытие, если есть что подходящее, да, желательно, поглубже. Кирпич не спасет, земля уберезет.

Проехали блокпост ополченцев. Этих Виктор знал, некоторых еще до войны. Все прошло нормально.

Дальше — опасней. Тут могут и ближние бои происходить. Витина машина свернула на грунтовку, Славик — за ним. Мчались они по полям, перелескам и буеракам. Звуки сражений остались где-то сбоку позади.

«Ну, вроде вырвались», — кивнул сам себе Кузьмичев. Глянул на Никитку, тот напряженно смотрел по сторонам, вперед на дорогу, оглядывался назад на машину Славика.

Раньше дорогу в сосновый бор перегораживал шлагбаум, но теперь он валялся рядом. Два автомобиля, не сбавляя скорости, преодолели этот рубеж. В скором времени они должны оказаться на украинской территории, в небольшом, умирающем селе. Подъезжать к нему надо не напрямую, по главной дороге, а в объезд, там, где не было блокпостов и позиций украинской армии. Для этого необходимо сделать размашистый крюк, переехать мелкую пересохшую почти речушку.

Поворачивая на проселочной дороге, Кузьмичев дал по тормозам. Витя опешил, увидев железнодорожный вагончик и несколько человек с оружием возле него. Посреди грунтовой дороги стоял двухколесный прицеп, преграждающий путь. Флага не было, но Кузьмичев сразу понял, что это военнослужащие Украины. Что же это такое? Ведь свободна была эта дорога. Или он что-то напутал? Да нет вроде.

Машины затормозили. На них уже были направлены дула автоматов. Один из трех солдат, видимо, старший, подошел ближе и махнул рукой.

— Выходим, — окрикнул он.

— В машине сиди, — сказал отец Никите. — Я сам разберусь.

Кузьмичев не спеша вышел и направился к военным. Знаков различия и принадлежности на них он не заметил. Из-за стресса потерялись мелкие детали. Только обратил внимание, что все — еще пацаны, немногим старше его сына.

— Здорово, командир.

— Кто такие? Куда и откуда?

— Из Луганска в Харьков. Вывожу семью.

— Раздевайся, — держа на прицеле, скомандовал старший.

Виктор ловко скинул с себя футболку. Никаких татуировок, отметин, синяков. Молодой вояка удовлетворенно кивнул.

— С тобой кто едет?

— Знакомые с ребенком. Они силовики. Бегут от ополчения на Украину.

— Долго ждали, — беспристрастно прокомментировал солдат.

— Есть такое дело, командир. В багаже личные вещи. Показывать?

— Не, они мне и даром не нужны.

Витя оглянулся на сына. Тот спокойно сидел и смотрел по сторонам. Славик во второй машине нервно сверлил взглядом украинских солдат. Юля обнимала дочь.

— Смотри, дядя, дорога теперь платная, — прохрипел солдат. — По сто евро с машины. И валите.

— Сейчас, командир, погоди, — кивнул Кузьмичев.

Он быстро подбежал к Славику и пересказал ему короткий разговор. Его попутчик что-то ответил, сторонник новой украинской власти не слышал что. Но заметил, что Виктор возвращается без купюр в руках.

— У нас двести долларов, командир. Устраивает?

Это явно не понравилось человеку с автоматом. Его дружки начали напрягаться и подошли ближе к машинам, заинтересованно осматривая их.

— Дядя, ты меня не услышал? По сто евро с машины. Евро! Мне твои доллары на хрен не нужны. Украина теперь в Евросоюзе, понял? Мы теперь Европа, и ходить у нас будет евро.

— Как тебя по имени? — Кузьмичев нервничал, но пытался держать себя в руках.

— На кой тебе мое имя? Ну, Глеб.

— Давай отойдем, перетрем в вагончике?

— А что нам с тобой перетирать?

Виктор немного приблизился к нему и тихо сказал:

— Ты же хочешь хорошо заработать? У меня есть к тебе предложение.

Глаза у молодого военного по имени Глеб загорелись. Он сказал своим, чтобы те были наготове, и провел Виктора в вагончик. Металл был раскаленный, внутри было жарко и грязно, летали мухи, на полу валялись пустые бутылки из-под водки и коньяка.

— Командир, у нас нет евро, понимаешь? Только доллары. Чем они плохи?

— Дядя, они идеологически нам не подходят.

— Так Америка же поддерживает Украину, — парировал Кузьмичев.

— Ну и что? Мы — Европа!

«Какой же ты тупой», — удивился Виктор, но вслух ничего не сказал.

Они были близко друг от друга. Воспользоваться автоматом солдатик не успеет. Может, просто вырубить его, отобрать оружие и застрелить их всех? Кузьмичев поднял на него глаза. Молодой и глупый мальчишка, практически ровесник Никитки. Кто тебя ждет дома? Отец, мать, сестра, любимая девушка и друзья? Но что ты тогда забыл здесь? Ты пришел, если и не убивать, то, по крайней мере, зарабатывать на людском горе. Ты стервятник, падальщик, а падальщиков не жалко. Кузьмичев незаметно сжал кулак, готовясь нанести удар. Но внезапно...

Еще с детства Витя влюбился в горы. Практически каждый год ездил он к бабушке на Кавказ. Из-за учебы в университете несколько лет он здесь не был. И вот по окончании снова приехал увидеть знакомые и любимые места. Бабушки уже не было в живых, но остались родственники — троюродный брат Махрам, его мать Асият и жена Саяра.

Долгая дорога измотала, и первый день ушел на отдых и разговоры. Селение находилось в горах, внизу простиралась широкая изумрудная долина, ловившая деревьями отблески быстрой реки. Витя выходил во двор и любовался этими видами: снежными вершинами и причудливыми горными хребтами, могучими деревьями и серо-зелеными склонами, иногда белой, а иногда и синей рекой, смывающей все на своей пути. И вроде не поэт, не романтик, а глаз не оторвать. Кто создал эти места? Да, на Донбассе таких пейзажей не увидишь. Можно подумать, что оказался в сказке. Наверняка, в былые времена здесь правил халиф, строил дворцы, сражался с недругами.

За двором слышались крики детворы, да еще и на непонятном языке. Витя не раз задумывался над причудами судьбы. Вот его родственники живут на Кавказе, типичные представители этого региона, а сам он типичный русский Иван из Луганска.

— Молодец, что приехал, Витенька, — с акцентом сказала тетя Асият и похлопала его по плечу.

В Чечне в самом разгаре была вторая кампания, было опасно. Родители не хотели его отпускать, но Витя чувствовал, что должен был побывать здесь до того, как окончательно простится с юностью. Впереди ждали только беспросветные рабочие будни, без каникул и отдыха. Когда он еще посетит родину своей бабушки? Может быть, уже никогда. Да и до Чечни было неблизко.

Махрам сиял от радости. «Брат с Украины приехал», — радостно докладывал он встретившимся на его пути сельчанам.

«Хорошо, когда тебя ждут», — думал Виктор. Внутри было спокойно. Хорошо. Так хорошо, как бывает нечасто в жизни. Вот чтобы время застыло, а ты стоишь и тебе радостно.

— Ты жениться еще не надумал? — подшучивал Махрам. — У моей Саяры сестер много.

А жена у него действительно была очень красива. Витя даже засмутился.

На следующий день Махрам взял Виктора, и они поехали на «девятке» на рыбалку. Вниз в долину, к реке. Братья долго разговаривали, делились всеми новостями за прошедшие годы, причем, по возможности, именно в хронологическом порядке с момента последней встречи.

Волны били по большим камням, размеренный шум был приятен для

уха, умиротворял, успокаивал. Клев был хорошим, удочки не скучали. Переждав в тени полуденную жару, братья отправились домой. «Девятка» грохотала на крутой дороге, дергалась, двигатель хрипел. Витя обернулся и посмотрел вниз, на уже проделанный путь. Как бы назад не покатиться, беспокоился он. Махрам только покачал головой. И непонятно, как это интерпретировать, то ли как укор родственнику за неверие, то ли сам переживал. Когда дорога выровнялась и стала более-менее горизонтальной, Махрам прибавил газу, и выдавшая виды колымага помчалась по ухабам, дергаясь влево-вправо, чтобы не попасть в яму или не врезаться в каменный осколок. Витя мог поклясться, что от автомобиля отлетело немало деталей.

Брат припарковался у недавно покрашенных зеленых ворот. За ними возвышался дом из красного кирпича с серым шифером на крыше. Они вышли, Витя нес с собой улов, рыба бодро плескалась в ведре. Не заметили ничего необычного, все было, как всегда. Но не успели братья зайти во двор — двое неизвестных направили на них пистолеты. Кузьмичев от неожиданности отпустил ведро. Не сильно испугался, но люди с оружием не вселяли доверия. На них были маски с прорезями для глаз.

— В дом! — резко приказал один из них.

Оба были худые, в черных спортивных костюмах. Двигались дергано, резко. Неуверенно, как показалось Вите. Такие не внушали страх сами по себе. Только оружие придавало им силы.

— В чем дело? — попытался наладить с ними диалог Кузьмичев.

— Рот закрой, иначе я тебя пристрелю, как собаку. Ты жить хочешь? Дуло пистолета неприятно ударило в спину Вите. Он дернулся и зашагал в дом. Махрам молчал, играя желваками. Как бы какой финт не выкинул братец. Может все плохо закончиться. Азиат и Саяра сидели на кровати в слезах, у обеих уже были связаны руки. Витя только сейчас понял, насколько все серьезно. Он заметил взгляд Махрама, который оценил состояние матери и жены. Нет, их не трогали, но женщины перенервничали.

— Что ж вы творите, нелюди! У вас что, родителей нет? — закричала тетя Азиат.

— Мама, успокойся.

— Сидеть! — скомандовал бандит.

Они послушались и присели на диван.

— Давайте все деньги и все золото! Ты, русский.

— Я не знаю, где деньги. Я здесь гость.

Незнакомец выругался.

— Тогда ты.

Махрам спокойно встал и под присмотром прошел в соседнюю комнату. Он пытался по голосу узнать: может, кто из знакомых? Вроде бы нет. Откуда они тут взялись? Боевики, террористы? Тоже не похоже. Просто бандиты, беспредельщики? Возможно. Знают ли они, что это дом милиционера? Махрам выгреб все из закровов.

— Положи на стол и отойди.

Грабитель осторожно, не отпуская пистолет, забрал всю добычу. Они вернулись в зал. Женщины продолжали плакать, Виктор был напряженным, нервным, щеки его покраснели.

— Ключи от машины.

— Забирай эту колымагу! — вспыхнул Махрам, который любил свой автомобиль.

Бандиты, забрав ключи, осторожно начали пятиться и вышли из дома. Они, спотыкаясь, побежали вон из двора, к машине. Завелась она не с первого раза.

Они не знали, что в доме для подобных случаев имеется сюрприз.

Как только грабители вышли, Витя вскочил с дивана, поднял одну из его половин и, отбросив одеяло, взял в руки автомат Калашникова. Приведя его в боевую готовность, он помчался вслед за незнакомцами. Махрам кинулся к шкафу, где была кобура, в которой покоился ПМ. Через мгновение он уже догонял брата.

Кузьмичев прицелился в машину, подпрыгивавшую на ухабах, и выпустил длинную очередь. Потом еще и еще. Патроны быстро закончились. В стеклах и железе автомобиля появились отверстия от пуль, но машина продолжала удаляться.

Подбежал брат и сделал несколько выстрелов, но прекратил, поняв, что это уже не имеет смысла. Авто было слишком далеко.

Они переполошили все село. Такого здесь давно не было. Махрам быстро успокоил подошедших соседей, а Витя вернулся в дом, спрятал автомат и начал успокаивать женщин. Позже к нему присоединился и хозяин дома.

Витя с братом решили, что они продолжают отдыхать. Сегодня. А завтра начнут разгребать. Хотя, собственно, что разгребать-то? Все живы остались — и хорошо. Но нет, здесь это не так работает. Происшествие вышло за рамки дозволенного. Эти непрошенные гости покусились на дом, женщин. Такое Махрам прощать не собирался. Мать и жена — это святое.

Удивительно, но нападавших удалось быстро найти. Для этого пришлось обратиться к авторитетным людям, проявить к ним уважение и преподнести подарки. За считанные дни незнакомцев нашли. Это были два наркомана, задолжавшие и искавшие деньги на погашение долга. После недолгих споров с авторитетными людьми, Махрам добился своего — их жизни были в его руках. За это пришлось заплатить деньгами.

Встреча состоялась в безлюдном, но шумном месте — рядом тяжело бросала вниз свои воды река.

— Я вас достану, — ругался один из наркоманов. — Только попробуйте нас пальцем тронуть!

Он, видимо, не понимал сложившейся ситуации. Думал, что дело обойдется привычным мордобоем. Но Махрам достал пистолет.

— Нет, ты не должен этого делать, — сказал Витя. И забрал у него оружие. — Так будет лучше. — И шепнул на ухо. — Тебе еще жить здесь.

Кузьмичев выстрелил. Хлопок растворился в шуме водопада. Тело упало и покатилось вниз по каменному склону. Птицы, сидевшие на кустах, взмыли ввысь. Птицы — вверх, человек — вниз. Еще два быстрых выстрела, второй отправился вслед за своим товарищем.

Витя не сожалел. Он был силен и молод. Он был прав. Тогда их лица не преследовали его по ночам, грех убийства не жег душу. Это пришло намного позже, когда к тридцати появилась необъяснимая пустота в сердце. Но в юности нет. This is a man's world. Слабые и неосторожные погибают. Они сами виноваты. Могли сделать по-другому. Тогда и спрос был бы другой. Но они задели честь, оскорбили своим вторжением женщин. Азиат и Саяра не хотели бы быть причиной чей-то гибели, но так сложилось. К счастью, об этом они не узнали...

Виктор разжал кулак, понурил голову, вспомнив этот случай. Почему в юности все так? Так легко? Даже отнять жизнь у человека — и то легко.

— Ты говорил что-то про заработать?

Голос молодого украинского солдата отвлек его. Кузьмичев посмотрел на юные черты лица этого пацана. Так вот в чем дело, вот почему они такие злые и несговорчивые. Право сильного. Они имеют на это право. Они так считают.

— Да, давай договоримся? Наладим дорогу. Сейчас я отдам тебе баксы, а в следующий раз заплачу еврами? Хорошо? — пытался все решить миром Виктор. — Че ты уперся-то? Тебе двести баксов не деньги?

Глеб потер подбородок и кивнул.

— Ладно. Хрен с тобой. Времени и так много на вас потратил. Давай бабки и валите отсюда.

Через несколько километров они выехали на асфальтовую дорогу. Впрочем, на грунтовой было даже лучше, а тут постоянные выбоины и ямы угрожали уничтожить всю ходовую часть автомобиля. Счастливые лица Славика и Юли отражались в зеркале заднего вида. Им не верилось, что они смогли так проскользнуть.

Кузьмичев посмотрел на Никитку. Тот думал о чем-то своем.

— Сына, ты как?

— А я-то что? — отмахнулся он.

— Не испугался?

— Их что ли? Нет. Была бы возможность, там бы их положил.

Лицо Виктора перекосила гримаса. То ли улыбка, то ли выражение боли. Неприятным сделалось лицо отца. Он покачал головой.

— Нет, сынок. Людей надо любить.

— И этих?

— И этих.

— Да пошли они, уроды.

— А давай, как закончится война, съездим на Кавказ?

— Зачем? — не понял сын. — Что мы там забыли?

— Оттуда твои предки, бабушки и дедушки. Там у тебя родственники, дядя Махрам и тетя Саяра.

— Да ты что? А почему ты раньше не рассказывал?

— Да как-то не довелось. Ежедневная суета.

— Я бы хотел посмотреть на Кавказ.

— Там очень красиво, поверь мне. Наша степь надоела, да? И на море обязательно съездим. С мамой. Главное, чтобы война закончилась.

ЗАЩИТНИК

За окном было светлым-светло. Лучи солнца отражались от ледяного снега, попадали в комнату, слепили глаза. Сергей открыл окно и сделал большой глоток воздуха. Мороз приятно ударил в грудь. Парень был разгоряченный, измотавшийся, выжатый. Комната казалась ему жаркой Сахарой.

— Ты бы хоть футболку надел, — бросила Юля, вышедшая из душа.

Литвинов закрыл окно, лениво дошел до кровати и тяжело бухнулся на нее.

— Давай одевайся. Времени нет. Мне пора.

— А как же чай? — иронично заметил Сергей. — Ты же вроде на чай звала.

— Сережа, ну ты чего? Мне нужно Максюшку из садика забрать. И так опаздываю.

— Да помню я.

— Ну вот. Пойдем, проведешь меня немного. Одевайся.

На улице было около двадцати градусов мороза, и Сергею не очень-то хотелось туда. Он сполз с кровати и начал натягивать утепленные джинсы, а после них футболку и свитер. Юля была уже вся при параде.

— Пойдем уже. Что ты там возишься?

— Чуть рюкзак не забыл.

— Ну потом бы забрал. Не оставлю же я его себе, — она удивленно подняла бровь.

— Да тут вся техника рабочая, — объяснил Сергей. — Мне без нее — никуда.

Она неопределенно махнула рукой.

Они спустились на лифте, и вышли в большой двор длинной многоэтажки. Он пустовал: ни людей, ни машин. В городе народу тоже было мало. Центр вообще пустовал. Сказывался недавний артиллерийский обстрел.

Они выбрались к проезжей части, постоянно поскальзываясь на твердом снегу. Сергей аккуратно поддерживал Юлю под руку, но она, казалось, не обращала внимания на этот жест заботы. Вообще эта девушка была довольно скупой на эмоции, считал Литвинов. Она вяло реагировала на его ухаживания, ее это, каздалсь, мало волновало. Вскоре Сергей пришел к выводу, что ей особо и не нужны отношения, кроме физических. А он вел себя так, как будто они являлись нормальной парой. Пытался, по крайней мере. Литвинов пребывал в затяжной депрессии и не хотел лишать себя даже такого неполноценного общения.

Он провел ее по направлению к Театральной площади. Они попрощались возле большого супермаркета, Сергей повернул и пошел вверх, к центральному рынку, где была остановка общественного транспорта.

По улице шли два патрульных с автоматами. Он визуально знал их, так как приходилось часто бывать по работе в центре города. Солдаты его, конечно, не помнили и проводили долгим взглядом. Человек с рюкзаком на пустой улице вызывал подозрения: а вдруг диверсант? Но они не подошли. Ноздри слипались, и чтобы согреться, Литвинов поднял воротник свитера. Почему так холодно? А может, холодно не на улице, а в душе? Думать про их отношения с Юлей он не желал. Все само как-нибудь устроится.

К остановке подъехала белая «газель», и в ней удалось чуть-чуть согреться, но пальцы на ногах по-прежнему страдали. Почему ботинки не греют?

— Дружище, хочешь выпить? — спросил один из немногих пассажиров. Потрепанного вида мужичок показал бутылку водки из-за пазухи.

— Не-а, спасибо.

— А я вот выпью.

— Дело твое.

Он еще раз глянул на мужичка. «Не, не буду», — еще тверже решил Литвинов.

В квартире было холодно, сквозило из окон, рамы дребезжали, батареи почти не грели. Приходилось ходить в свитере и нагревать жилище газом. Несмотря на эти недочеты, Сергею здесь нравилось. Это была квартира друзей, которые уехали от войны в Польшу. Они разрешили ему

пожить здесь и возвращаться, судя по всему, в ближайшее время не собирались. Денег Литвинов не платил. Он не раздумывал, когда поступило такое удачное предложение, потому что жить с родителями в его возрасте в однокомнатной квартире было уже чересчур. Теперь он сам себе хозяин. Конечно, родители продолжали заботиться о нем. То мама придет и приготовит поесть, то понадобится помощь и инструменты папы, чтобы починить смеситель в ванной или проводку.

Ему было совсем не скучно жить одному. И все благодаря загруженности на работе. Писать в газете приходилось много — интервью, репортажи и даже аналитика, хотя и довольно слабенькая, но лиха беда начало. И постоянно вокруг много людей. Разных. Интересных и не очень. И каждый со своим прибабахом. Коммуникабельность помогала находить Литвинову общий язык с ними. Он научился смотреть вглубь, по глазам определять, что за человек перед ним. Правда, порой встречались и непроницаемые глаза. В основном у воевавших ополченцев. Война не проходит бесследно. Но у большинства глаза по-прежнему были открытые и светлые.

Укрывшись одеялом, Сергей смотрел на YouTube ролики про политику. По всем каналам, и российским, и украинским, говорили про противостояние России и США, про Украину и войну в Донбассе. И столько шума и лая стояло в студиях, что становилось тошно. Неужели специально так делают, чтобы тема набила оскомину, чтобы все раздражались, услышав про войну на Юго-Востоке? Часто высказывались люди, абсолютно не знакомые с регионом, даже чуждые ему. «Что ты знаешь об этих улицах? — в сердцах вспыхивал Сергей. — Ты нам-то расскажи, как тут живется!» Литвинов не отрицал право людей на своей мнение, но все равно искренне возмущался, когда слышал с экрана неадекватные высказывания. Или они умышленно искажают правду? «Выродки», — думал с презрением он, глядя на то, как бывшие луганчане из Киева поливали грязью родной город. На экранах замечал он много знакомых лиц среди подобных хулителей. Не сдержался, позлорадствовал, когда узнал, что одной коллеге-журналистке из этой когорты злопыхателей разнесло снарядами квартиру. Теперь она писала посты в интернете, собирала деньги на новое жилье. Вся бедная и несчастная. Так поблагодари же свои любимые украинские войска, кинься им в ноженьки, расцелуй, избавили родимые украинцы тебя от проклятого советского прошлого — разнесли квартиру в ненавистной «хрущевке»! И тебя должно быть жалко? Побирайся на киевских вокзалах! Конечно, она не побиралась. Пристроилась на всеукраинском медиаресурсе и поливала луганчан и дончан грязью.

Когда накал страстей в душе достигал максимума, Сергей переключался на музыку из девяностых и нулевых. Старые любимые группы, обычная попса. Тогда он не воспринимал ее всерьез, относился к таким песням пренебрежительно. Но почему так хорошо переслушивать их сейчас? Сердце немного успокаивалось, и можно было, наконец, почитать. Последнее время Литвинов как-то само собой отошел от художественной литературы и пристрастился к публицистике, мемуарам, биографиям.

Впечатлила его недавно автобиография Махатмы Ганди. Освободитель Индии, сторонник ненасилия — сатьяграхи. Сергей, глядя на происходящее в Донбассе, много думал об альтернативном пути истории. И настолько противоречивые чувства в нем все это вызвало. С одной стороны, «добро должно быть с кулаками», когда на тебя нападают, ты должен защищаться. О какой сатьяграхе (ненасилии) может идти речь здесь, на

славной родине героев? Однако Ганди смог без военных действий сделать независимой Индию от власти англосаксов! Правда, сам при этом погиб, как мученик. Наверное, сатьяграха и мученичество стоят рядом. В христианской традиции Ганди был бы очень большим святым, одним из самых великих. Наверняка. Или освобождение Индии — это просто удачное стечение внешнеполитических обстоятельств? Великобритании после Второй мировой войны было просто не до нее. Можно ли так сказать? А что же тогда ненасильственная борьба Ганди, которую он вел несколько десятков лет? Неужели она неважна? Или все-таки она и была основой, фундаментом? Сергей хорошо понимал, что личность в истории — это краеугольный фактор. Возможно ли было применить сатьяграху в Донбассе? А ведь если задуматься и вспомнить, то все и начиналось с мирных демонстраций. Но что остается, когда по твоему городу начинает нещадно лупить артиллерия? Бежать или сражаться. И если вернуться к автобиографии Махатмы Ганди, он ведь принимал участие в бурской войне. Не стрелял, но был медиком. Знал, каково оно на поле боя. Трусом его назвать точно нельзя.

В общем, много размышлял Литвинов на эту тему в свободное время. Правда, благодаря работе его было мало. Только и делал, что успевал мотаться по разным редакционным заданиям, и ходить к Юле.

На выходных он купил ей много всего — продуктов, пару бутылок пива и роллы. Юля жила небогато, и Сергей относился к ней с жалостью. Она же не замечала ни жалости, ни заботы. Но Литвинову этого и не надо было. Он получил удовлетворение от того, что помогал тем, кто нуждался.

Муж Юли Виталик бросил ее больше года назад — нашел себе богатую любовницу, некую Машу, которая перетащила его к себе. Он тотчас забыл о семье, когда увидел ее кошелек. Любовница занималась то ли бизнесом, то ли была при власти. Ее двухэтажный дом впечатлил Виталия даже больше, чем первый секс. Он и до войны-то такие просторные комнаты и хороший ремонт видел только по телевизору, а сейчас, в пострадавшем от боев городе, его это особенно впечатлило. Зачем Маше понадобился водитель маршрутки, достаточно непонятно. Но факт остается фактом: Юля осталась одна с маленьким сыном Максимкой, который недавно пошел в садик.

Поскольку Виталик, оказавшийся редкостной тварью, никак не помогал брошенной семье, Сергей вдвойне чувствовал свою за нее ответственность. Он, будучи тоже, мягко говоря, небогатым, старался хотя бы раз в неделю побаловать продуктами Юлю и ее сына. Мальчишке он иногда покупал недорогие игрушки, чем вызывал у мальчика счастливую улыбку. Сама мать, как казалось Литвинову, этого и не замечала. Ребенок тоже интересовал ее в незначительной степени.

Юля открыла дверь, увидела Сергея с пакетами, замахала руками, приглашая быстрее войти в квартиру. Все время она куда-то торопилась, была резкая и суетливая, что иногда дико его раздражало.

— Привет! Максим, дядя Сережа пришел!

Из комнаты выбежал мальчишка, сначала весь радостный, а потом застеснялся — он ждал, что, может быть, дядя Сережа принес ему подарок. Литвинов заулыбался и вручил малому «киндер сюрприз». Максим запрыгал от радости, враз избавился от обертки, съел весь шоколад и победно достал из пластмассового яйца игрушку. Это был космический корабль, но сделанный грубо, плохо покрашенный и хлипкий на вид.

— Да, в нашем детстве игрушки были лучше, — бросил Сергей.

Отнеся продукты на кухню и сложив их в пустой холодильник, он приготовил все для роллов, налил в бокалы пива и принес ужин в зал. Потом они смотрели фантастический фильм про Человека-паука, ели роллы, пили пиво. Малой игрался на полу, постоянно пытаюсь привлечь к своей игре и взрослых. Юля командным тоном обрывала его, и малыш, расстраиваясь, возвращался в свой маленький детский мирок. Сергей не понимал Юлю, но не вмешивался. Кто он такой, какое имеет право?

Завонил ее мобильный телефон. Литвинов напрягся. Он не любил, когда кто-то ей звонил в его присутствии. Так он чувствовал себя еще более чужим, чуждым этой обстановке.

— Да, мам. Хорошо все.

Он прислушивался, делая вид, что смотрит фильм. Она подошла к подоконнику и посмотрела на ночной город.

— У меня Сергей в гостях.

Звук динамика хороший, Литвинов слышал все, что говорила мама Юля.

— Какой Сергей?

— Да знакомый. Я тебе о нем не рассказывала.

— Дочь, какой знакомый? Я что-то не пойму. В такое время? Уже вечер.

— Ну и что.

— Ты в своем уме? Ты замужняя женщина! — возмущалась мама в трубку.

— Что ж мне теперь... Виталья же...

— Ничего, доча, еще вернется. Ты меньше на мужиков всяких бросайся, а то Виталий потом тебя назад не примет, скажет, зачем ему такая шалава!

— Мама!

Сергей почувствовал, как будто его, как в мультиках, ударили большим молотом. Тревожный звоночек. Там, судя по всему, мама не сильно адекватная и с реальностью дружить не хочет. И Юля все это покорно выслушивала и даже соглашалась, кивала головой, поддакивала с расстроенным видом. Интересно посмотреть на папу. Небось такой же.

Она повесила трубку и начала убеждать Сергея, что все нормально. А ему внутри было паскудно. Не за себя, он уже и не ждал нормальной жизни, но за нее.

— Ты прикалываешься? — не выдержал он. — Ты на полном серьезе это все?

— Ну, мама говорит, что он вернется. Я, если честно, и сама так думаю.

— Это еще почему?

— Ну, он постоянно звонит мне и жалуется.

Сергей чуть было не прыснул от смеха. Что происходит и как он здесь оказался? Театр абсурда. Взгляд его упал на одинокого ребенка, играющего с космическим кораблем на полу. Смеяться расхотелось.

— Он жалуется мне на нее. Говорит, что она не уделяет ему внимания. И денег перестала давать. Даже попрекать моего Витальку начала, что он толком ничего не зарабатывает.

— Тогда точно вернется, — иронично заметил Литвинов, но Юля этого не поняла.

— Думаешь? Хорошо бы было. А то мне без мужика в доме невмоготу.

Не стал Серега говорить что-то типа: «А я не в счет?» Не в счет. Это и так понятно. Ты, по сути своей, для Юли только половой партнер. Временный. Для разрядки. Скоро, если верить прогнозам мамыши и самой Юли, домой вернется родной человек. Литвинова это не удивляло и не обижало, не задевало. Нет. Он поражался тому, насколько уже достаточно взрослые люди глупы и наивны. Любовь? Да, она застилает глаза пеленой. И с любовью бороться Сергей не хотел, не собирался становиться на пути у Юли.

Чуть позже, после разговора, когда Максим уснул в кроватке в своей комнате, они занялись любовью. И это хоть немного скрасило его одиночество.

В начале февраля в жизни Литвинова произошло радостное событие — приехал друг. Леня, как и многие, уехал с семьей, когда началась война. Сначала они оказались в Харькове. Ни родителям, ни Леониду устроиться на нормальную работу не удалось, перебивались случайными заработками. Так прошло несколько месяцев. Потом Лене позвонили друзья из Киева и позвали его работать на один всеукраинский телеканал. Конечно, он обрадовался и согласился. В столице жизнь для Леонида и его семьи наладилась.

И теперь, спустя столько месяцев, он решил приехать в родной город, посмотреть на квартиру и поведать оставшихся друзей.

Серега заволновался, когда в назначенный день Леня не вышел на связь. Сердце его было не на месте, предчувствия — мрачными. Что-то было не так. Литвинов решил, что на следующий день попытается узнать, где его друг. Но этого не потребовалось, Леня сам написал: «Я дома, приезжай».

От сердца отлегло. И уже через полчаса старые друзья встретились. Они устроились в зале, опрокинули по стопке крымского коньяка. Литвинов, казалось, сиял. Давно он не был таким счастливым.

— Ну что, Ленчик, рассказывай!

— Ох, как я сюда добирался, Серый... Это просто какой-то триндец! Наши украинские блокпосты я нормально прошел. А вот ваш...

— Что такое?

— Начали меня допытывать, кто я, куда и к кому еду, кем работаю, — Леонид тяжело смотрел в пол во время повествования. — Ну, я, дурак, и сказал, что на телевидении. Так ты понимаешь, я же не журналист, как ты, я ведущий развлекательных программ. Меня вообще вся эта политика стороной обходит, понимаешь? Но им это, видимо, без разницы было. Начали смотреть мой ноутбук, нашли старые фотографии города. спрашивают, зачем они мне. Говорю: «Ну, это же память». Долго мурыжили. Я понял, что попал. Приехала за мной машина, вышли несколько человек и забрали меня. Повезли в бывшее здание управления СБУ.

— Ну да, в Министерство госбезопасности.

— Да. В общем, везут меня, и главный их ведет расспросы. Все то же самое. Одни и те же вопросы. Потом говорит: «Ты не против, если я на украинском буду балакать?» Не против. И давай он по-украински все сначала спрашивать. В общем, привезли меня, привели в кабинет к какому-то начальнику. И давай я заново все рассказывать. Нет, общались вежливо, не били, не грубили. Я понял, что это связано с моей профессией, с тем, что на телевидении работаю. Вот и спрашивает меня этот начальник: «Ты фотографии города хранишь, значит, любишь Луганск?»

Говорю: «Люблю». И он предложил на них работать. Говорит: «Давай ты будешь нам информацию сливать». Серый, а я же ничего не знаю! Какую информацию? Он: «Ну, какие там в Киеве настроения, может, что интересное сможешь узнать». Ничего конкретного. Я согласился, что мне еще оставалось. Начальник взял все мои данные, номер телефона, электронную почту, адреса. Не знаю, что теперь делать.

И они выпили еще по одной стопке.

— Леня, не переживай, все будет нормально. Ты ничего плохого не сделал.

— Серый, да я-то знаю. Я обычный ведущий, — раздосадовано прозвучал его голос. — Что мне дальше-то делать? Сотрудничать, сливать информацию? Оно мне надо? А если не буду, то меня самого сольют украинским спецслужбам, как агента сепаратистов.

— Да, ситуация, — Литвинов тоже пригорюнился.

Он перестал счастливо сиять. Встреча с другом была не такой радостной, как он себе представлял. Что же это за время такое?! Нет радостных, хороших новостей. У всех все не очень.

— Леня, не парься, ничего они тебе не сделают.

— Ты так думаешь?

— Ну, расстреляют, как собаку бешеную, — попытался пошутить Литвинов.

— Не смешно, Серега.

— Согласен, совсем не смешно. А мы тут ничего, живем.

— Знаешь, я, наверное, сюда больше не приеду.

Пасмурная погода не добавляла хорошего настроения. Казалось, что уже два года над головой только тучи. И не было этому конца и края. И вот у друга тоже неприятности на ровном месте.

— Да ерунда все, давай лучше еще выпьем, — предложил Сергей.

Благодаря доброму коньяку немного отпустило напряжение в душе, и сердце подуспокоилось. Вокруг все было таким же дерьмовым, как и раньше, но внутри стало немного лучше.

— Со мной на канале Женька и Рафик работают.

— Да, я что-то такое слышал. Как они?

— Люто ненавидят Россию, а с ней и вас.

— Ну и дураки, — ответил Литвинов.

— Каждому свое. Здесь тоже Украину не любят.

— И есть за что, — парировал Серега. — Ладно, давай не про это. Как там родители?

— Да ничего, постарели как-то резко за это время.

— Главное — здоровье. А его не напасешься. Привет им передавай.

Как на личном фронте?

— Да нормально. Встречаюсь с одной девушкой.

— Только с одной? — усмехнулся Литвинов.

— На двух у меня уже денег не хватит, — Леня только сейчас понял, как ему не хватало этого юморного общения с другом. — Она не киевлянка. Приехала откуда-то с Западной Украины. То ли Хмельницкий, то ли Крапивницкий, то ли еще какой-то город.

— А ты с Донбасса. Как вы с ней уживаетесь?

— Да, знаешь, нормально. Она адекватная.

— Это хорошо. Многие там нас на дух не переносят.

— Да, есть и такие. А у тебя что с личной жизнью?

— А у меня ее нет. Вся моя жизнь — общественная, — хмыкнул Сер-

гей. О Юле рассказывать смысла не было, ведь он для нее всего лишь временный вариант.

Всю ночь они разговаривали и пили замечательный «Бахчисарай». После непродолжительного сна Литвинов ушел домой. Помятый, с пересохшим от похмелья горлом. А на душе все равно стало легче. Друг все-таки приехал...

На улице потеплело. Снег растаял, весь город стал серым и грязным, деревья прятались в утренних туманах. Наступала весна. Природа чудная вещь, — как она замечательно влияет на настроение. Поздней осенью и зимой начинается депрессия, зато весной и летом все как-то проходит, может, не до конца, но, по крайней мере, ты можешь разделить свои проблемы с солнцем, деревьями и холмами, заросшими сочными луговыми травами. Остается надеяться, что это не свежие холмы, и под ними никто не похоронен. Тот, кто буквально еще недавно мечтал, строил планы, ссорился с соседями из-за ерунды, целовал любимого человека в губы... Весна пробуждала и давала силы, весна воскрешала, весна — это Христос, подаривший надежду вечной жизни всему человечеству.

А еще весной люди радостно снимают громоздкую зимнюю одежду — шубы, тулупы, ботинки с толстой подошвой, толстые пуховые штаны. И поступь твоя становится уже не такой тяжелой, ты летишь по улицам, тебе легко и приятно, ничего тебя не обременяет, не приковывает к земле. Главное, чтобы этот полет не был вызван или усилен взрывной волной.

Настроение испортилось из-за Юли. Когда Сергей пришел к ней домой, она плакала. Он не стал торопиться с расспросами. Разделся в коридоре, повесил куртку на вешалку. Заглянул в комнату, Максима не было. Литвинов принес для него небольшую мягкую игрушку. Видимо, мальчишка был у бабушки с дедушкой.

Юля сидела на кухне и трясущимися руками пила холодный чай. Она не смотрела на Сергея, лицо опухло от слез. «Опять какая-то фигня с мужем», — подумал Серега. Вариантов тут, честно говоря, было мало.

— Я не знаю, что делать, — хмыкала девушка. — Наверное, придется квартиру продавать.

Литвинов не вмещивался в ход ее мысли, не закидывал вопросами.

— А за сколько ее сейчас продашь? За копейки. Да и кому она нужна в это время? — продолжала слезно размышлять Юля. — Может, заниматься придется. А у кого занять такие деньги, Сережа? — подняла она на него глаза. — У тебя есть деньги или богатые знакомые?

У журналиста был только богатый жизненный опыт, а деньги к нему зачастую не прилагаются. Только испорченные нервы.

Он покачал головой.

— Вот и у меня нет. Я не знаю, как мне теперь быть.

— Так ты скажешь, в чем дело-то?

— Я ходила к гадалке. Она мне и сказала, что Виталик обязательно вернется. И она права, я вижу, как его ко мне тянет. Понимаешь, он все равно вернется ко мне и Максиму. Гадалка всю правду говорит, и про меня, и про него. Все видит.

— М-да, — Серега не питал иллюзий по поводу умственных способностей Юли. — Так, а плачешь почему?

— Понимаешь, она сказала, что Виталику грозит большая беда!

Он сдержал смешок. Сергей не хотел проявлять к ней неуважения.

Пусть глупая, но Юля не плохая. Она не заслуживала, чтобы над ней потешались. Литвинов скорее чуть не засмеялся из-за довольно предсказуемых слов гадалки. Классическая схема.

— Она сказала, что Виталька погибнет. На нем порча. Но она может его заговорить, спасти. Для этого нужно несколько тысяч долларов, и процесс этот небыстрый, нужно начинать уже сейчас. А где я такие деньги возьму? У меня только квартира есть.

Юля была в отчаянии. Жизнь схватила ее за горло и нанесла очередной удар.

Сергей понимал, что помочь девушке он ничем не мог. Объяснять, что это все бред, не имело смысла, она не поймет. Как люди ведутся на этих мошенников, он не догонял. Деньгами помочь тоже не вариант. Состоятельные знакомые, конечно, были, но далеко. И они, естественно, не дадут такую сумму. Да и вся ответственность за долг легла бы все равно на него. И это притом, что они даже толком и не встречаются, а просто спят вместе, спасаются от крайнего одиночества.

Литвинов взял ее за руку, крепко сжал, давая понять, что, мол, я с тобой. Сам смотрел в окно, на серые пейзажи Камброда. Не Лос-Анджелес, не Сан-Франциско, а какое все красивое. Кривые, разрушающиеся домики, разбитые дороги, изрытые воронками от мин, пустующие гигантские заводы. Родная нищета. Как же все это дорого.

Побыв еще немного с Юлей, он ушел. Чувство, что он лишний в ее жизни, никогда не покидало его.

Снаряды продолжали ложиться на город. Время от времени «освободители» с украинской стороны напоминали о себе.

Произошла очередная трагедия. Военные Украины разнесли двухэтажный дом в старом городе, недалеко от одного из заводов: грянул взрыв, дрогнули стены, обвалились перекрытия и потолок рухнул вниз, стекла разлетелись на мелкие осколки. Жилище задымилось. На место происшествия выехало семь пожарных машин и несколько автомобилей скорой помощи. А также правоохранители.

Сергей отправился туда, чтобы сделать фотографии. Он старался никому не мешать. Вообще, Литвинов был не из тех наглых журналистов, которые бесцеремонно достают людей и тыкают микрофоном или диктофоном в лицо. Нет, он всегда был спокоен и просто наблюдал за происходящим, чтобы потом описать это в своих репортажах. Часто окружающие даже не догадывались, кем он работал. Его могли выдать только фотоаппарат или диктофон, но даже их Сергей не всегда доставал.

Сотрудники МЧС разбирали завалы. Приехал джип с военными, они покрутились немного и уехали.

Позже на место ЧП приехал мэр Манолис Пилавов. Литвинов знал его и уважал, так как это был один из тех чиновников, которые остались в городе с прежних, довоенных времен. Мэр рассказал журналистам, что в результате происшествия пострадали два человека. По словам медиков, мужчина, 1967 года рождения, получил восемьдесят пять процентов ожога тела, он находится в реанимации. Женщина, 1971 года, пострадала меньше — у нее пятнадцатипроцентный ожог.

Пилавов отметил, что это был дом 1916 года постройки, его общая площадь составляла 417 квадратных метров, здание являлось памятником архитектуры и защищалось законом сначала Украины, а теперь Народной республики.

— Вот так украинские войска воюют, — грустно развел руками Пилавов. — Не только с нами, жителями города, но и с историей нашей общей. Но им она не нужна, у них теперь новая, нацистско-бендеровская...

Когда-то в этом доме находились мастерские художников. Они здесь вдохновенно писали картины, горячо делились идеями новых произведений и будущих выставок, которые принесут им славу. Потом дом стал жилым, но дух творчества из него не ушел. Однако украинская ракета все-таки уничтожила его.

— Здание будут восстанавливать? — спросил Сергей.

— Пока что точно нет. Сейчас не до этого. Может быть, когда-нибудь, — развел руками мэр.

— А что будет с людьми, которые здесь жили? — поинтересовалась журналистка с местного телеканала.

— За них не переживайте. Найдем, где разместить на первое время. А там будем по каждой семье решать в индивидуальном порядке. Постараемся помочь по-максимуму, — сдержанно ответил Манолис Пилавов.

Сергей встретил своего знакомого Руслана, который работал в прокуратуре.

— Готовится очередное уголовное дело против укров? — скептически спросил Литвинов.

— Ага. Ну, ничего. Надеюсь, когда-нибудь они за все ответят. Кто в живых останется.

— Главное, чтобы мы в живых остались, а то не перед кем им будет отвечать.

Черный юмор... он все же юмор, и немного помогает.

— Ладно, дел невпроворот, Серый. Давай.

Журналист махнул рукой на прощание. Руслан хороший парень, нервный только, дерганный. Стал таким после одного из обстрелов, когда снаряды падали рядом.

Семьи, оставшиеся без жилья после уничтожения дома, разместили в профилактории университета. Через несколько дней после обстрела Сергей решил сделать небольшой репортаж, съездить и посмотреть, как живут там люди.

Командант профилактория, молодая симпатичная девушка по имени Люба, рассказала, что здесь у них пристроены восемнадцать человек.

— Им предоставлена кухня и столовая, микроволновая печь, холодильник, есть для них посуда. Также люди обеспечены постельным бельем, у нас есть горячая вода. Если у них какие-то вопросы, то подходим и решаем по возможности. Но вроде особых проблем нет, — четко рассказала комендант.

Сергей походил по комнатам. Действительно, люди были обеспечены самым минимальным комфортом, но он понимал, что долго жить в таких условиях они не смогут. По словам Любы, пострадавших селят по семьям, поэтому в комнатах живут от одного до пятерых человек. На первом этаже разместили двух инвалидов.

— Некоторые благотворительные организации и просто люди уже приходили и оказывали помощь питанием, вещи приносили, — эмоционально добавила комендант.

Литвинов попытался поговорить с кем-то из потерпевших, но они наотрез отказывались общаться. Есть такие, не всем охота разводить болтологию. Сергей это принимал.

— Лучше бы принесли что-нибудь полезное для людей, а не ерундой

словесной занимались, — кинул ему человек в зеленом камуфляже. Возможно, отец семейства. И такую позицию людей можно понять, им не нужны сейчас вопросы журналистов. Они хотят разобраться, как теперь жить дальше.

Несмотря на неприветливость пострадавших, Литвинову все-таки удалось пообщаться с одной женщиной.

— Нам нужны вещи, хочется, чтобы нам помогли с едой. Очень бы хотелось, потому что я одна целыми днями, муж на работе, а у меня трое детей, и тяжело управиться, — посетовала женщина. На руках у нее был маленький мальчик, всего три месяца от роду. Другие двое — постарше, и за ними уже нужен только глаз да глаз.

— Как повезло, что нас тогда не было дома. Я Господа благодарю, — в таких ситуациях нервы сдают, женщина едва сдерживает слезы. Сереге это было не надо, он хотел уберечь ее от этого. Это для телевизионщиков важна картинка. Плачущая женщина с ребенком на руках. Кого это оставит равнодушным?

— Ну, ничего. Все же хорошо, вы живы, здоровы. Вон детвора балуется.

Серега протянул сто рублей. Большой суммы просто не было. Женщина отвлеклась, взяла деньги и начала рассказывать, что жить в профилактории тяжело.

— Я просто физически не успеваю всех обстирать, помыть, уложить, накормить, тем более мы живем на втором этаже, а кухня находится на первом. Постоянно приходится бегать со всеми детьми.

«Хорошо, получилось отвлечь», — улыбнулся про себя Литвинов.

— Никто из вынужденных жильцов профилактория не знает, сколько времени они пробудут в этом временном жилье, — уныло рассказывала она.

Женщина показала свою комнатушку, где теперь живет с мужем и тремя детьми. Для пятерых человек помещение очень тесное, возле стен по углам стояли четыре кровати, большой шкаф, тумбочка и столик с микроволновой печью. Конечно, такие условия не могут удовлетворить потребности большой семьи, но это лучше, чем оказаться на улице. «У них нет уверенности в завтрашнем дне. Как и у всех нас», — горько подумал Литвинов. Вообще, по-хорошему, властям стоило бы дать пострадавшим семьям пустые квартиры или дома, которых в городе довольно много. Может, кто-то подумает, что это несправедливо по отношению к их законным владельцам. Но трудные времена требуют непростых решений. Возможно, этим семьям помогут родственники. Серега надеялся, что у них все будет хорошо. Новый день, новый луч света, новая надежда. Новая весна.

А мужчина, получивший сильные ожоги, скончался в реанимации. Ему не надо будет искать новое жилье. Он получит последнее пристанище — сосновый гроб и небольшой участок земли.

На улице продолжало теплеть. Масленица уже прошла. Впереди маячил большой праздник — день рождения. Серега не хотел праздновать его. С родителями, может быть, посидят чуть-чуть, и все. С годами ощущения от праздников притуплялись.

«Как изменился я за это время», — думал Литвинов. Он вспомнил, как часто они смеялись со школьными друзьями. Дети. Наивные, глупые, искренние и жизнерадостные... Эта жизнерадостность с годами, особен-

но с годами непростыми, тяжелыми, трагичными, улетучивается. Не остается того легкого мироощущения. Беззаботность и безделье проходят. Приходится самому принимать решения, от которых иногда зависит жизнь.

Как тогда, в большом поселке, недалеко от линии разграничения. Неожиданный, или все-таки ожидаемый, обстрел. Раздался первый взрыв, Серега припал к земле, быстро осмотрелся и, пригнувшись, добрался до стены большого ангара. Снаряды падали не так уж далеко. Но кто их знает. Его коллеги бросились в другую сторону, он потерял их из вида. Вот так и пришлось сидеть больше получаса, прислонив спину к тонкому, горячему от летнего солнца металлу. Конечно, стена не спасла бы даже от пули. Сердце колотилось, голова болела, живот крутило как никогда... Когда все прекратилось, они продолжили свою журналистскую работу. В тот день никто не погиб, но загорелись поля. Полыхнуло будь здоров.

И смех как-то уходил из жизни Литвинова. И легкое мировосприятие уходило. И молодость уходила. За надежду он хватался обеими руками, но и она покидала его. А жизнь без всего этого продолжалась. Но разве нужна она такая?

Однажды Сереге довелось поговорить об этом со старым солдатом, воевавшим всю жизнь.

— Да, так у всех. Это нормально. С этим можно жить, малой.

И Литвинову не стало легче, но стало спокойней. Действительно, так у всех. Он не первый и не последний, кто переживал такие эмоции. С этим можно жить... Серега надеялся, что это правда...

У Юли дела обстояли все так же печально. Она переживала, металась, суежилась.

— Я уже заняла денег, Сережа, — рассказывала девушка. — Отнесла. Но мало, конечно. Я понимаю. Мама обещала помочь. Но на Виталике сильная порча. Гадалка говорит, что без ее помощи до следующего года он точно не доживет.

Они пили чай на кухне. Вбежал маленький Максим.

— Дядя Сережа, поиграем?

Литвинов не успел ничего ответить.

— Максим! — прикрикнула Юля. — Не видишь, что нам некогда?! Взрослые важные темы обсуждают.

— Да мне не сложно.

— Ой, да забей ты. Ему и так не скучно.

— Ну, мам!

— Макс, сладкое не получишь, если будешь надоедать.

Серега решил не вмешиваться. Он посмотрел на полные обиды детские глаза, без слез, но жалобные, молящие о внимании и любви, смотрящие на маму, как на идола, богиню, которая, безусловно, никого не любит. Но малыш поймет это только спустя много лет, хотя всегда будет чувствовать это.

Ребенок убежал в другую комнату после того, как Юля топнула ногой.

Их отношения зашли в тупик. Они уже перестали спать вместе, просто общались, стали друзьями. И Литвинову не хотелось, и она, борясь вместе с гадалкой за мужа, перестала обращать на это внимание.

— Так что я по-прежнему в отчаянии.

Она снова начала лепетать про продажу квартиры, лучшего мужа на свете Виталика, который изменяет ей с другими, о доброй гадалке, посланной светлыми силами. И говорила, говорила, пока ее снова не начало трясти, — слезы капали, лицо покраснело.

— Я квартиру уже выставила на продажу на сайте объявлений. Но за два дня пока никто так и не позвонил! Дорого, что ли? А если так никто и не купит? Сережа, что тогда? Получается, Виталик погибнет из-за меня! Из-за того, что я не смогла снять с него порчу. Понимаешь? Я виновата буду.

— Слушай, а дай мне ее адрес, — неожиданно перебил Сергей.

— Зачем?

— Да хочу с ней поговорить. Что она мне нагадает на мою беспокойную жизнь.

— Сейчас.

Юля трясущимися руками написала на листке блокнота адрес и телефон.

— Сначала позвони, она только по записи принимает. И скажи от кого. А то чужих не пустит.

— Да, хорошо. Я, наверное, пойду.

— Ага, давай, — она ничего не предложила, не намекнула. Да и не до того сейчас было.

«Ну, стало быть, я тут уже не нужен даже как партнер для постели. Обидно, но ожидаемо, — подумал Литвинов. — Но ей надо как-то помочь».

Он решил поговорить с этой гадалкой. Сделал все, как сказала Юля. Позвонил, записался. Но перед этим он набрал своего знакомого Руслана, который работал в прокуратуре, и изложил ситуацию.

— С этим что-то можно сделать?

— Ну, нужно заявление от нее, — ответил он.

— Она не напишет, она же не считает себя пострадавшей.

— Да, верно. Тогда от тебя. Ты свидетель мошенничества.

— Рус, я как-то... Думал, без всего этого...

— Что, мусорнуться запаadlo? — засмеялся прокурор.

— Да не в этом даже дело. Не хочу жизнь человеку ломать.

— Понял тебя. Только такие, как эта гадалка, другим людям жизни ломают. И их ничего не смущает.

— Спасибо, Рус. Ну ладно, давай.

Гадалка Марья Семеновна жила в частном доме в районе автовокзала. Ее домик не пестрил богатством, но был добротным, ухоженным. «В целом скромненько», — отметил Сергей. Он не мог знать, что двухэтажный особняк с широкими балконами и кованными воротами, расположенный через два дома, принадлежал сыночку гадалки.

Пожилая женщина сдержанно приняла парня. Она осторожно относилась к новичкам. Сначала требовалось хорошо узнать его, войти в доверие, прощупать болевые точки, а уже потом раскручивать на деньги по полной.

Лицо у нее было неприятное. Брови и рот злые, глаза темные и глубокие. Но манеры не грубые.

— Тебя что-то тревожит, мальчик мой. Я загляну в будущее. Любовь, карьера.

— Да, понимаете. Меня беспокоит одна девушка...

— Стало быть, личная жизнь, — понимающе кивнула старушка.

— Ну как бы да, — спокойно продолжал Сергей. — Одна девушка постоянно ходит к гадалке и выносит деньги. А та накрутила ей такого, и требует огромные суммы. И я вот хотел бы, чтобы от нее отстали.

— Молодой человек, что вы ко мне пришли? — она все сразу поняла.

— Я хочу, чтобы вы отстали от Юли. Она себе места не находит. Бабушка, какие тысячи долларов? Что ты ей понарасказывала? Разве так можно? — Сергей не хотел ругаться. Он старался говорить вежливо.

— Ну, не тебе меня учить! — ее лицо стало агрессивным, его черты обострились.

— Я не учу. Просто отстаньте от Юли.

— Я сама решу, — она с хитрецей улыбнулась. — А знаешь, сколько у меня знакомых воевавших ребят имеется?

— Я не сомневаюсь, бабушка. Я пришел не угрожать вам. И вы мне не угрожайте. Я знаю все руководство республики. И могу устроить вам очень большие проблемы. Но я пришел просто поговорить. Попросить, чтобы вы отстали от Юли.

Он старался говорить спокойно, но все-таки разнервничался. Конфликтные ситуации — это не его стихия. Но пошел на это, потому что на свете есть вещи, за которые надо бороться. И не всегда кулаками, можно и словами. Но эти слова кто-то должен был произнести. Сергей нашел в себе силы это сделать.

Марья Семеновна оценивающе смотрела на него.

— А ты кто такой?

— Это неважно. И, поверьте, у меня знакомых во всех силовых ведомствах достаточно.

— Сынок, не ругайся, я тебя поняла. У меня же семья, дети и внуки. Должна же я как-то помогать им, — она сменила тактику, поняла, что с Сергеем нужно по-другому, давить на жалость. — Мне показалась, что Юля твоя богатенькая... Все-все. Я отстану от нее. Обещаю. Будет звонить, трубку не буду брать. Особенно, после такой ее подставы, — она злобно цыкнула.

Литвинов решительно встал из-за стола:

— Неужели у вас совести нет? Времена такие тяжелые, а вы своих же людей кидаете на деньги.

— Своих? Кто из этих своих меня и мою семью будет содержать, а? Когда времена легкие были? — огрызнулась она. — Поживешь с мое, поймешь.

— Никогда я вас не пойму.

Сергея шел по улице Оборонной по направлению в центр, обдумывал разговор. Все прошло вроде не так уж плохо. Он, конечно, разволновался, день был испорчен, но кто еще вступится за эту глупую, но хорошую девушку. Возможно, потом наступит чувство удовлетворения, а может, и нет.

Почти два месяца Юля не звонила. Наверное, разбиралась со всем этим, поняла, что произошло, потом злилась на Литвинова за его бесцеремонное вмешательство. Потом она набрала и сказала:

— Хочешь встретиться завтра?

— А как же муж?

— Он уехал в Россию на заработки. Мы сейчас даже не общаемся.

Сергей долго ничего не отвечал, а потом произнес:

— Удачи тебе, Юля. Будь счастлива.